

ВАЛЕНТИНА ГРИНКЕВИЧ

ПРОРОЧЕСТВО
ВЕДЬМ

Валентина Гринкевич

Пророчество ведьм

«Автор»

2022

Гринкевич В.

Пророчество ведьм / В. Гринкевич — «Автор», 2022

Обычная девушка из провинциального городка на западе Беларуси едет в командировку, где попадает в круговорот мистических событий. Начинает собственное расследование загадочных убийств, свидетелем которых она стала случайно, чтобы докопаться до истины и понять свое предназначение в мире магии и колдовства. История, в которой оживут герои славянских легенд, а тривиальные места откроются с совершенно неожиданной стороны.

© Гринкевич В., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	19
Глава 7	21
Глава 8	23
Глава 9	26
Глава 10	28
Глава 11	31
Глава 12	33
Глава 13	35
Глава 14	37
Глава 15	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Валентина Гринкевич

Пророчество ведьм

Название: Пророчество ведьм

Автор(-ы): Валентина Гринкевич

Глава 1

Небо за окном начинало светлеть. Ночь отступала, и из темноты шагнули вперед серые силуэты зданий и деревьев. Улицы были еще пусты, не считая нескольких ворон, деловито ищущих что-то в мокрой траве.

Сквозь тяжелый мутный сон пробилось глухое дребезжание будильника. Просыпаться не хотелось. Телефон вибрировал где-то под подушкой, Нина нашарила его рукой и нажала кнопку отбоя.

Нужно вставать, варить кофе, кормить кота и собираться на работу... Нина села на смятой постели, потянулась и грустно зевнула – она, как и большинство нормальных людей, ненавидела будильники.

За окном серело утро. Девушка отодвинула тяжелую штору в сторону и выглянула на улицу, чтобы оценить масштаб трагедии, преподнесенной к этому раннему часу погодой. Тяжелое низкое небо, мокнувшие тучи, черный влажный асфальт, редкие прохожие...

Мамочка тянет в садик упирающегося малыша. Мальчик в оранжевой шапке и с ярким зонтом в руках как единственный герой, осмелившийся бросить вызов серости и непогоде. Одному ему не справиться... Нина оставила колебания и встала с кровати, полная решимости бороться с серостью вместе с незнакомым малышом.

Кот уже сидел на столе и пытался поймать ее взгляд. Девушка открыла шкафчик, достала яркую коробку сухого корма, потрясла им перед усатой мордой. Кот даже не шелохнулся. В его взгляде читалось презрение: «Сухой корм? Ты серьезно?»

– Сволочь ты, Маркиз, хоть и красивый.

Нина вздохнула, погладила кота и достала из холодильника синий пакетик кошачьей консервы.

Пока закипал чайник, быстро одним пальцем пролистала в телефоне новостную ленту – ничего интересного. Перед зеркалом в прихожей набросила на себя куртку, обмотала вокруг шеи объемный голубой шарф (привет малышу) и вышла в холодный апрель.

Работала Нина в главном управлении статистики ведущим специалистом. И звучит не очень, и на деле не лучше. Работу свою Нина не любила. Не так чтобы совсем не любила, не так чтобы все бросить и уйти в закат, но и радости или чувства собственной нужности не испытывала.

Обычно до офиса она добиралась пешком. Можно было проехать пару остановок на автобусе или на своей старенькой Пежо, но Нина любила идти не торопясь, белыми кроссовочками по асфальту, подставляя лицо свежему ветру и вдыхая весенний воздух полной грудью. Дорога занимала минут сорок, по меркам их города – недалеко. За это время можно настроиться на рабочий день, распланировать будничную рутину.

«Хорошо, хоть дождя нет», – подумала она, плотнее запахнув куртку и вставив в уши наушники.

Нина не имела ни мужа, ни детей, ни сожалений по этому поводу. Вместо этого у нее были светлые волосы, голубые глаза, стройные ноги и кот Маркиз.

Мимо проезжающий автобус выдал ей неприятные брызги в лицо. Девушка остановилась. Да что это такое? Сколько можно ходить пешком на скучную работу? А ей хотелось летать на драконе. Прижаться щекой к прохладной волшебной чешуе, разогнаться за пару секунд до сотни, взмыть в облака, сделать круг над городом и умчаться в эльфийский лес на прогулку со своим единорогом. Нина была мечтательницей.

На ступеньках офисного здания перед большой зеркальной дверью топтался невнятный паренек. Пушистая темная шевелюра, широкие синие джинсы, натянутый по самый нос воротник свитера.

– Девушка, не проходите мимо!

Нина остановилась, бездумно протянула руку, взяла белый ламинированный квадратик визитки, рассеянно поднесла к глазам и прочитала:

«Не волнуйся. С рассветом всё закончится».

Перевернула карточку:

«По любым интересующим вопросам вы можете обращаться в волка».

И больше никакой информации: ни телефона, ни адреса. «Ерунда какая-то». Но, так как урны в поле зрения не оказалось, машинально сунула визитку в карман.

Глава 2

В кабинете еще никого не было. Нина бросила сумку на стул, включила рабочий компьютер и нажала кнопку на электрическом чайнике. Пока программа загружалась, потянулась за телефоном. На экране мигало непрочитанное сообщение:

«Привет, принцесса. Позвони».

Нина усмехнулась. Разговаривать с Пашкой не хотелось, но она все же набрала номер. В ухе раздались короткие гудки. Сбросила, настучала ответ: «Все принцессы пока заняты, но ваш звонок очень важен для нас, вам ответит первая освободившаяся принцесса, оставайтесь на линии».

Чайник закипел, компьютер загрузился, коридоры офиса постепенно наполнялись звуками шагов и голосов. Нина включила радио, открыла сохраненную в экселе таблицу и погрузилась в колонки цифр.

Прошло, наверное, часа два. Девушка заработалась и потеряла счет времени, как вдруг из динамика стоящего на подоконнике старенького радио после очередного заезженного трека раздался приятный мягкий мужской голос:

– День добрый, в эфире снова ваш любимый ЛетавЕц, и сегодня я вам расскажу одну очень странную, но тем не менее правдивую до последнего слова историю...

Голос негромкий, но проникал будто в самое сердце. Новая радиостанция? Да нет, вроде та же, что и обычно. Незнакомый ведущий? Скорее всего. Нина почти уверена, что слышит этот голос в первый раз, еще и имя такое необычное – ЛетавЕц. Она бы запомнила. Эта радиостанция крутится на работе с утра до вечера. Голоса ведущих, все их шутки, прибаутки, конкурсы, хочешь не хочешь, а въедаются в память намертво, так же, как и все новомодные песенки надолго застревают в голове и звучат там без твоего согласия в самый неподходящий момент.

– В ночь перед Радоницей Василёв брат, пьяница каких свет не видывал, после гулянки на кладбище пошел. Чего его туда понесло, никто объяснить не мог, сам он говорит, что к деду ходил, к тому, который недавно умер. А на кладбище сидит ворон большущий на кресте – весь седой, клюв белый, а глаза человеческие. Смотрят эти глаза ему в лицо, в самую душу заглядывают, все нутро его грешное насквозь видят. Волосы на голове мужика от страха зашевелились и дыбом встали, бежать хочет, а ноги будто к земле приросли. Вдруг каркнул ворон ему прямо в лицо и, взлетая, так задел крылом, что мужик, не удержавшись, упал в свежесрытую яму, приготовленную для завтрашних похорон. Как выскочил оттуда, как домой бежал – ничего не помнит.

Нину от этого странного рассказа пробрал озноб.

– Знаете, что это за ворон? Это же Крыжатник, самый что ни на есть. Крыжатником, от слова «крыж», то есть «крест», на кладбище становится покойник, чей надмогильный крест или сама могила по каким-то причинам были повреждены до совершения сорокадневных поминок. Но к людям Крыжатник не враждебен, кроме вандалов, которые приходят на кладбище за всякими непотребствами. А еще он на дух не переносит пьяных...

Нина сидела, боясь пошевелиться, глаза ее округлились, по телу побежали мурашки. Что это еще за кладбищенская хрень с утра пораньше?

Из оцепенения ее вывел скрип открывающейся двери. В кабинет заглянула старательно и высоко начесанная голова Елены Ивановны:

– Лисицына, зайди к Трофимову.

В животе неприятно зануло от тревожного предчувствия. Начальника Нина не любила и побаивалась. Хорошие новости от него прилетали редко. В основном ее ждал или новый неприятный запрос от вышестоящих, или выволочка за неправильно оформленный старый. Но делать нечего – придется идти.

Трофимов Сергей Иванович был красноморд, рыж и довольно упитан. Нина каждый раз представляла, как она заходит в кабинет, вальяжно плюхается в кресло, закидывает ногу на ногу и по-хамски интересуется: «Чё?»

Это помогало справиться с волнением. В реальности она присаживалась на краешек стула, теребила край кофточка и ждала, пока он закончит орать в телефонную трубку и обратит на нее свой начальственный взор.

Вот и сейчас Нина заглянула в кабинет, увидела, как он прижимает трубку щекой к плечу и что-то строчит в ежедневник. Трофимов поднял на нее взгляд и сделал знак садиться.

– Да, Евгений Сергеевич, да, конечно. Да, сами съездим и проверим. Конечно, не может такого быть... Намудрили, видимо, что-то переписчики...

Нина сидела и покорно ждала, разглядывая потрепанную мебель и картину, висящую на стене позади кресла начальника. На ней был изображен зубр на входе (или на выходе?) из леса. Взгляд зубра выражал печаль, Нина тоже вздохнула.

– Конечно, Евгений Сергеевич, понабирают студентов, а те, может, и не ездили никуда, написали ереси из головы, везде бардак!

Нина опустила взгляд на руки и покрутила колечко вокруг пальца. Колечко было старое, с большим синим камнем. Нина не любила украшения, но это – память о бабушке. Синий камень в серебре. Мама говорила – сапфир, но Нине не верилось. Откуда у бабушки сапфир? Жили небогато, если и было чего, так явно не камни драгоценные. Но даже если это и не сапфир, кольцо Нине все равно нравилось. «Маникюр не мешало бы сделать», – подумалось ей.

– Так вот, Нина Александровна.

Она вздрогнула и посмотрела на начальника. Тот уже закончил разговор по телефону и разглядывал ее в упор. «Какой неприятный взгляд», – мелькнула мысль, и Нина отвела глаза.

– Давно ли ты была в Беловежской пуще?

– Давно не была. В детстве, лет в десять, наверное, последний раз.

– А съездить хочешь?

– Вообще-то не очень.

– Ну в саму пущу можешь и не ехать, нужно посетить агрогородок Димитровичи. Там во время последней переписи ерунды наворотили, ничего не сходится. По телефону чушь какую-то несут. В местном сельсовете поднимешь бумаги, сверишь с отчетом, запишешь как надо. А то аномалии у них там... В мозгах у них аномалии! Везде бардак. Работать не хотят.

Нина работать тоже не хотела, тем более в Димитровичах. Глушь, наверное, дороги нормальной нет, гостиницы нет. На машине, что ли, поехать и в ней переночевать? А ночи в апреле еще холодные. В сельсовете этом наверняка какая-нибудь «баба Настя» работает глуховатая.

– Лисицына! Не витай в облаках! Тебе задание понятно? Сходи к Елене Ивановне, выпиши командировку, она там тебе объяснит, что к чему.

Оформив все необходимые документы и получив у начесанной секретарши увесистую папку с отчетом, который надо было сверить и подкорректировать, Нина покачивалась на сиденье городского автобуса по дороге домой. В наушниках играла Земфира, девушку клонило в сон. Вдруг автобус резко остановился на светофоре, и ее взгляд через мокрое от дождя стекло уперся прямо в рекламный билборд. На огромном щите был изображен искрящийся золотой дракон на черном звездном фоне и объемная, выступающая за края надпись: «Летаец FM».

Нина приехала домой, поужинала и принялась собираться в командировку. «Пашка! Пашке же я так и не перезвонила!» – вспомнилось ей. С Пашей у нее был вялотекущий роман без обязательств. Ну, или секс по дружбе, как посмотреть. Вообще-то, конечно, эту интрижку пора было заканчивать. Оба прекрасно понимали, что их отношения зашли в тупик, звонки становились все реже, шутки всё натужнее.

Она набрала его номер еще раз. Прослушала любезную девушку, которая пояснила, что аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети, и нажала отбой. Напи-

сала ему сообщение, что уезжает на два-три дня в командировку. Сходила к милой пожилой соседке, живущей этажом ниже, оставила ей вторые ключи от своей квартиры с указаниями, как и чем кормить Маркиза. На этом Нина решила, что все неотложные дела сделаны, включила ноутбук и плюхнулась вместе с ним на диван досматривать сериал. На чем ехать в эти неладные Димитровичи, сколько времени займет поездка и что придется там делать?

«Завтра. Я обо всем подумаю завтра», – повторила она себе привычную мысль.

Глава 3

Нина проснулась утром оттого, что в один глаз ей узким лучом светило солнце, а другой щекотали усы Маркиза. Вспомнила про командировку и поморщилась. Не вставая с постели, откинула шторы, освобождая окна, солнце мгновенно затопило всю комнату. Погода хорошая. «Значит, все не так уж плохо на сегодняшний день», – мысленно пропела она. А раз дождь маловероятен, значит, можно добираться на поезде, не брать свою старушку Пежо и не разбивать совсем уже в хлам и без того хрупкую подвеску на проселочных дорогах. Тем более бензин ей все равно никто не оплатит, а билеты на поезда и автобусы очень даже да.

Она открыла сайт БелЖД на телефоне и посмотрела расписание. Электрички ходят часто, можно завтракать, собирать рюкзак и ехать за билетами.

Вокзал в ее городе красивый и современный. Мягким синим цветом мерцало огромное табло с расписанием. Вежливые женщины за большими прозрачными стеклами касс продавали билеты, пахло картошкой фри и санитайзером.

А вот поезда, в отличие от вокзала, красивыми и современными не были. По возрасту они были явно старше Нины и особым комфортом не отличались. Она зашла в вагон, огляделась. Людей было не так уж и много, дачный и ягодный сезон еще не начался, так что можно спокойно выбрать себе свободное место возле окна и провожать мечтательным взглядом медленно проплывающие мимо столбы, деревни, поля и леса, не опасаясь, что кто-нибудь вторгнется в твое личное пространство громкими разговорами или запахом пота и перегара.

Под стук колес и плавное покачивание поезда Нина задремала.

Ей снилась деревня. Они сидели жарким июльским днем на лавочке под навесом, от бабушки вкусно пахло пирожками и яблоками. На клумбе перед домом пестрели ярко-оранжевые бархатцы вперемешку с огромными белыми ромашками. Стрекотали кузнечики.

Бабушка жила в небольшой деревне Брестской области в той же стороне, куда сейчас направлялась Нина. Деревенька совсем крошечная, всего три улицы, колхозная ферма и маленький продуктовый магазин. Нина улыбалась во сне – ей было хорошо и спокойно.

Поезд остановился на станции, проводница предупредила, что остановка всего несколько минут, но Нину это не особенно заботило. Она закинула одну лямку рюкзака на плечо и легко спрыгнула с блестящих, отполированных тысячами ног металлических ступенек вагона прямо на перрон. Волосы растрепал приятный ветерок, в глаза светило апрельское солнце. Нина вдохнула полной грудью загородный воздух и закашлялась – поезд, тронувшись, обдал ее неприятным запахом мазута.

Девушка вертела головой в поисках перехода через пути на вокзал, если можно назвать вокзалом невысокое одноэтажное строение местной станции. Редкие пассажиры разбрелись кто куда, волоча за собой синие клетчатые сумки на колесиках.

На станции у неприветливой билетерши Нина выяснила, что до Димитрович ехать километров десять через лес на пригородном автобусе.

Остановка доверия не внушала. На ней не было ни души, расписание проржавело и висело криво на одном гвозде. Нина прищурилась, силясь разобрать облезшие цифры, но максимум, что она поняла: автобус когда-никогда здесь все-таки останавливается.

Устав ходить туда-сюда и вглядываться то в одну, то в другую сторону дороги в ожидании пригородного транспорта, девушка присела на ободранную скамейку, достала телефон и приготовилась к долгому ожиданию. Спустя час просмотра новостей Нина сначала услышала приближающийся шум мотора, а потом увидела, как из-за поворота выехала старая белая легковушка неопределенной модели (по крайней мере, Нина таких не знала).

Вскочила и замахала руками, привлекая к себе внимание. Машина остановилась напротив, водительское стекло со скрежетом опустилось, показалось мягкое рыжее лицо мужчины. В первую очередь в глаза бросались его большие уши. Казалось, что они подвижные и вот-вот вздрогнут, сгоняя мух.

– Чего машешь? Куда тебе? – проскрипел он и слегка улыбнулся, разглядывая девушку с ног до головы.

– Мне до Димитрович, но я это... Наверное, автобуса подожду, обозналась, думала, знакомый едет. Вы езжайте, езжайте, я как-нибудь сама, – как-то неуверенно пробормотала Нина и даже сделала полшага назад.

– Ага. На автобусе. Когда он еще будет, тот автобус? Может, только к вечеру и то, если не сломается. Ломаются они у нас как бабы... – он громко по-лошадиному заржал над собственной шуткой. – Впрочем, ладно. Да не бойся ты! Садись, подвезу, тут ехать недалече. Да говорю тебе, не бойся, садись.

Нине ехать не хотелось. Хотя особого страха не было. Но ждать на пустой остановке надоело. Она с сомнением еще раз осмотрела машину и водителя. Сделала шаг вперед, открыла дверь и села на заднее сиденье.

Минут пять ехали молча. Нина смотрела по сторонам. Лес был красивый. Кое-где начинала зеленеть трава, на открытых полянах все было усеяно белыми весенними цветами, косые лучи солнца пробивались сквозь деревья и золотили стволы и ветки.

– Тебя как звать-то? Бабку приехала навестить? Будущее наследство осмотреть? Нет там ничего, кроме покосившихся хат да заросших бурьяном садов.

– Я не к родственникам, а по делу еду. Зовут меня Нина, а вас?

– Виктор Вазила, – он помолчал. – Какое там может быть дело? В деревне почти и не осталось никого.

– Как никого? Да и не деревня это. Агрогородок, шестьсот человек проживает согласно переписи.

– Какой переписи? Древних славян? – опять неприятно заржал он. – Некого там переписывать, четыре бабки полоумные, церковь старая да священник-пьяница – вот и все население.

«Сумасшедший какой-то, – подумала Нина. – Вот же угораздило», – и поежилась. Благостное настроение начинало улетучиваться. Машина подпрыгивала на ямах и ухабах, дорога действительно становилась все более неухоженной, лес густел и темнел, солнце спряталось.

Легковушка выехала из чащи на развилку и встала.

– Все, голубушка, приехали. Мне к бабе Вере надо заскочить, копша у нас совсем распоясался, касны стали в стаи собираться... Тебе туда, тут всего ничего осталось, пешком дойдешь.

Мужчина махнул рукой, показывая направление. Вдалеке за деревьями и вправду виднелись крыши домов.

Нина вышла и поежилась, солнце спряталось, под куртку начинал пробираться холод. Машина рывком тронулась и, тарахтя, скрылась за поворотом. Девушка осталась стоять на дороге одна. Потопталась на месте, вытягивая голову и пытаясь разглядеть поселок впереди, отбросила сомнения и решительным шагом направилась вниз по дороге.

Копша, касны? Что-то такое рассказывала ей бабушка в своих сказках. Нина любила бабушкины сказки. Жутковатые, волнующие, как будто даже не сказки, а воспоминания. Самыми страшными были истории про Багника. На Полесье много болот, и детям с раннего детства рассказывали страшилки, чтобы отвести их от опасных мест.

– Багник – это старейший злой дух, – говорила бабушка страшным голосом. – Живёт он в самом темном лесу, в самом болотистом месте. Ему подчиняются меньшие злые духи, которых он направляет вредить людям и красть для него маленьких детей. Багник угрюм и почти неподвижен, толстый и безглазый, покрыт грязью и тиной, на глаза людям показывается редко и только в недобрый час: на рассвете либо в полночь.

Маленькая Нина замирала от ужаса, представляя, как страшный Багник хватается за ноги и тянет в трясины, пряталась под одеяло, но все равно просила бабушку рассказывать еще и еще.

Глава 4

Деревня как деревня. Ну не агрогородок, конечно, на шестьсот человек, но и не четыре хаты. Нина шла по улицам, кстати, асфальтированным. Рассматривала дома, начинающие расцветать сады, кое-где припаркованные машины. Люди тоже встречались. Детей не видно, хотя, наверное, они в школе. А вот за воротами и школа. Так, где у них тут может быть сельсовет? Наверняка где-то в центре, надо спросить дорогу у местных, чего зря кругами ходить?

Здание сельсовета было кирпичным, двухэтажным, довольно старым. Оно же включало в себя и библиотеку. Интересно, в таких местах кто-то еще ходит в библиотеки?

Нина поднялась на покосившееся крыльцо, подергала входную ручку – закрыто. Хм... Почему это вдруг? Будний день, рабочее время – и никого нет. Странно. Сошла с крыльца, попыталась подняться на носочки и заглянуть в окно. Окна были темные, пыльные, невымытые – ничего разглядеть не удалось. Девушка обошла здание с другой стороны, подергала ручку. Тоже закрыто. Глядя на покосившуюся дверь с облупившейся краской и пробивавшуюся прямо посреди бетонного крыльца траву, Нина подумала, что в последний раз читатели заходили в эту библиотеку лет двадцать назад, не меньше.

Она вернулась к входу в сельсовет, не зная, что ей теперь делать.

– А вы у сельсовет приехали? – спросила проходившая мимо пожилая женщина в платке. – Так сёння не буде нікога. Паехалі у горад яны с утра. Заўтра прыходзьце, сёння ўже не вернуцца, – говорила она на типичной для этой местности смеси русско-белорусско-украинского языка.

– Ааа... эмम्म... а почему же меня не предупредили по телефону? А завтра точно будет открыто?

– Не, ну пра заўтра не ведаю. Видзела, як Галька... Ну, Галина Іванаўна дзверы зачыняла, і ўсе ў машыну садзіліся, казалі, што ў горад паедуць, – сказала бабуся, махнула рукой и, бормоча себе что-то под нос, пошла дальше.

– Хорошо, спасибо, – сказала Нина вслед удалявшейся женщине, но та уже явно потеряла к ней всякий интерес.

Ну что ж, придётся, наверное, оставаться здесь на ночь. Любопытно, есть ли тут гостиница? Надо гуглить. Нина достала из кармана телефон, батарея показывала половину заряда. Не мешало бы подзарядить, вот только где? Вбила название деревни в поисковик, полистала ссылки. Гостиницы здесь, конечно же, нет, да и зачем она нужна в деревне? Есть агроусадьба «Под липами». Так... баня, беседка, мангал... Ого! Ну и цены, командировочных здесь явно не хватит. Жилье под липами было Нине не по карману, надо искать что-то другое.

И еще не мешало бы перекусить. Здесь должен быть продуктовый магазин. Нина вышла на дорогу и огляделась по сторонам. Да, вон какой-то вездесущий «Родный кут». Девушка зашла в торговый зал, осмотрела небогатый ассортимент, купила бутылку минеральной воды и пакет с печеньем. Рассчиталась смятой в кармане купюрой и вышла на улицу. На глаза попалась окрашенная в голубой цвет деревянная скамейка прямо под зацветающей черемухой. Нина села и задумалась: что ей делать дальше?

Из магазина вышли две женщины, остановились и начали привычный им разговор ни о чём: когда сажать чеснок и будут ли еще заморозки в мае, надо покрасить забор, и сарай совсем покосился, а дети так редко приезжают, если и приезжают, то помощи от них не дождешься, им лишь бы внуков оставить на все лето...

Нина рассеянно слушала разговор, хрустела песочным печеньем и, жмурясь, подставляла лицо полуденному солнцу. Одурающий сладкий запах черемухи приятно щекотал нос.

Девушка доела свой нехитрый перекус, выбросила в урну пустую пластиковую бутылку из-под воды, покрутила головой вокруг и увидела впереди, в самом центре деревни на пригорке, церковь.

«Религиозный объект можно использовать как центр коммуникации», – усмехнулась она свои мыслям. Наверняка там есть разговорчивые бабки. А даже если и нет никого, можно просто из любопытства пойти посмотреть, все равно делать пока нечего, а других достопримечательностей вокруг не наблюдается.

Встала и бодрым шагом направилась к кирпичной ограде. Видно, что церковь очень старая и давно не обновлялась. Стены деревянные, покрашены в синий цвет. Такой прям неожиданно яркий, как васильки, как летнее небо. Единственный небольшой купол, наверное, задумывался золотым, но на деле был лимонно-желтым. Вообще цвета постройки поражали своей неестественностью, нарочитостью, как беседки в детском садике.

Девушка зашла в церковный двор за ограду. Территория ухоженная, крыльцо хоть и старое, щербатое, но чисто выметенное. Дорожки выложены квадратной серой плиткой. Между плитками пробиваются вездесущие одуванчики. Поднялась по ступенькам и потянула на себя тяжелую дверь. В лицо ударил сладковатый запах жженных свечек. Интересно, про эту церковь Вазила говорил, что она заброшена, а священник – пьяница? Хм...

«Вазила – какая смешная фамилия», – мысли в голове Нины скакали с предмета на предмет, как летние кузнечики. Бабушка рассказывала в детстве про вазилу – белорусского покровителя лошадей. «Вазила похож на высокого человека, но с лошадиными ушами и копытами. Носит длинное черное пальто и живет в конюшне. Заботится о лошадях, лечит, а в полнолуние по ночам приносит им с дальних пастбищ особенную траву, от которой животные делаются сильными и рослыми».

Церковь стояла пустая – утренняя служба закончилась, вечерняя еще не началась. Через узкие высокие окна солнце упиралось в пол косыми колоннами и мягким светом освещало иконостас. Внутри солнечных колонн плавали пылинки.

Справа от входа в церковь, как бы в сенях, приютился торговый киоск. На столике, покрытом белой скатертью, возвышались пирамиды свечек, так же аккуратно были разложены образки и какие-то церковные книги. За столом, уткнув нос в брошюру, сидела старушка в красном платке.

– Здравствуйте, подскажите, пожалуйста, где тут в деревне можно на пару дней остановиться, кроме агроусадьбы? Может, кто-то недорого комнату сдает? Или это у вас не практикуется и мне обязательно нужно в город возвращаться?

– Здравствуй, внученька, – бабулька подняла голову и взглянула на вошедшую через толстые стекла очков. – Чего же сразу в город? У Марыськи дом большой, а живет одна. Бывает, сдает летом комнаты студентам, что на практику в колхоз приезжают.

– Отлично, – воодушевилась Нина. – А где Марысю искать?

– Да тут недалеко. Вниз по улице со стороны магазина, белый кирпичный дом за зеленым забором. Скажи, баба Нюра прислала.

Поблагодарив бабу Нюру, Нина купила свечку и зашла внутрь. С любопытством огляделась: церковь совсем небольшая, побеленные стены, высокий потолок, деревянный, местами вытертый пол. Скрипнули под ногами доски. Отовсюду с икон на нее в упор смотрят благостные лица. Пристально смотрят, глаз не сводят, прямо в душу, на самое ее дно. В ушах начал нарастать высокий звон, закружилась голова, на лбу выступила испарина, виски будто сдавило обручем. Девушка быстро подошла к квадратному подсвечнику, воткнула свечку за упокой бабушки и, даже не зажигая ее, быстрым шагом бросилась на выход.

Баба Нюра проводила ее удивленным взглядом.

На улице Нине стало легче. Прохладный ветер освежил голову, звон в ушах стих. Она решила не оставаться и не рассматривать отдельно стоящую деревянную колокольню. Может, как-нибудь в другой раз.

Под высоченной старой липой на кирпичной ограде возле ворот девушка заметила кота. Животное было огромных размеров, весь угольно-черный, с блестящей гладкой шерстью, хвост, как у соболя, а глаза горят странным оранжевым огнем. Красавчик – глаз не отвести. Нина остановилась рассмотреть его получше. Она никогда не видела таких больших котов, хотя ее домашний Маркиз тоже был не из мелких.

Кот не сводил с нее оранжевых глаз, но как только она сделала шаг к ограде, чтобы рассмотреть его поближе, поднялся на все четыре лапы, потянулся, выгнул спину и спрыгнул в кусты. Исчез, будто его и не было. Девушка подумала даже, уж не привиделся ли он ей. Таких больших, наверное, и не бывает.

Глава 5

Дом Марыси нашла без труда. Из белого кирпича, не новый, но добротный. На крыше серый шифер, деревянный забор не так давно покрашен темно-зеленой краской. Возле калитки большой куст жасмина и лавочка. Над ней прибит к забору старый жестяной почтовый ящик. Некогда серый, а теперь краска облезла, обнажая ржавый металл.

Нина толкнула калитку и вошла. Двор как двор: над крыльцом большой навес, оплетенный виноградом. Под ним деревянный стол со скамейками. Летом, наверное, очень уютно и свежо, а пока в апреле от винограда только сырость и темнота.

Девушка позвонила в дверной звонок. Обитая черным дерматином дверь открылась, на пороге стояла крепкая жилистая женщина средних лет в спортивном костюме.

– Вам кого? – она неприветливо осмотрела молодую и стройную Нину.

– Мне Марысю, – сконфузилась та от непривычного звучания имени. – Я Нина, от бабы Нюры. Она сказала, у вас можно недорого комнату на сутки снять.

– Да. Есть свободная, могу сдать, – голос женщины немного потеплел. – У меня только летом молодежь арендует, а лишняя копейка же круглый год нужна. Проходи. Последняя дверь справа по коридору, не заперта. Располагайся, а я пока воды принесу и чай поставлю.

Нина осторожно пошла по коридору, оглядываясь по сторонам. Обычный деревенский дом, похож на бабушкин, только просторнее. Проходная кухня, коридор и две двери в комнаты налево и направо. Больше дверей не видно, туалет, скорее всего, на улице. На полу линолеум, красная узорчатая дорожка. Окна небольшие, прикрытые белыми занавесками, мебель старая, на стенке громко тикают большие часы с маятником.

В конце коридора девушка остановилась. За деревянной дверью ей послышалось негромкое бормотание, речитатив какой-то песни. Слова то делались громче, то отдалялись и были еле слышны, скрипел под чьими-то легкими шагами старый пол. Нина прислушалась.

Проведу я гаёвак аж до бору,

Сама вернусь молодая я ж до дому.

Проведу я вуэсалак аж до ямки.

Сама вернусь молодая я ж до мамки...

Странно, кто это? Вроде Марыся одна живет. Или, может, в гости кто заглянул? Нина зашла в комнату напротив, бросила на диван рюкзак и присела сама. Осмотрелась. Высокая кровать, накрытая клетчатым пледом с двумя огромными подушками сверху. Старый платяной шкаф с зеркалом, стол с белой кружевной салфеткой, два деревянных стула и маленький диванчик с узкими резными подлокотниками – вот и вся обстановка. Через единственное окно была видна часть аккуратно вскопанного огорода и большая раскидистая яблоня.

Нина посидела немного, вытянув уставшие ноги, подумала, что день складывается так себе. Она-то надеялась быстро завершить рабочие дела и к вечеру вернуться домой. Достала из кармана телефон, набрала номер соседки, предупредила, что задержится, попросила приглядеть за Маркизом еще денек-другой. Поставила телефон на зарядку и пошла в кухню пить с Марысей чай. Было уже время обеда, и чувство голода напоминало, что завтрак был давно, а печеньем молодой здоровый организм не насытишь.

На столе в кухне стояла тарелка с тонкими желтыми блинами, клубничное варенье и маринованные огурцы. Немного странный набор продуктов, но Нина понимала, что сейчас не лучшее время привередничать.

Девушка села за стол, аккуратно завернула сладкие, блестящие рубиновым сиропом ягоды в блин на своей тарелке, помешала ложечкой сахар в кружке чая и спросила:

– А кто это у вас в комнате поет?

Марыся обернулась и внимательно посмотрела на Нину:

– В какой комнате? Что поет?

– В той, что напротив моей, в конце коридора, из-за двери слышно, какая-то старинная песня, грустная.

– Радио, наверное. Одна я живу, некому там петь. Вот летом дети приедут, внуков привезут. Тогда и будут песни-пляски, а пока тихо у меня, заговорить не с кем.

Женщина присела за стол к Нине и опустила взгляд на ее руки. На пальце девушки, поймав камнем луч солнца, блеснуло колечко. Марыся еще раз долго и внимательно посмотрела девушке в глаза.

– Какое красивое украшение, откуда оно у тебя?

– В наследство досталось. Кольцо мне очень дорого. Бабушка умерла много лет назад, но время от времени, когда смотрю на кольцо, мне кажется, будто она рядом и помогает мне.

– Послушай, – женщина помолчала, явно что-то обдумывая, потом еще раз пристально посмотрела в глаза. От ее взгляда по коже пробежали мурашки, сделалось неуютно. – Я скоро к травнице собираюсь, давай со мной сходишь, тут недалеко. Она и погадать тебе может на свадьбу скорую или на богатство, суженого упрямца приворожить, а может, даже болезнь какую неизлечимую вылечить. Интересная бабка, есть что посмотреть, о чем поговорить...

– Да нет у меня желания суженого привороживать, да и болезней неизлечимых тоже нет.

– А может, есть, да ты, молодая, не знаешь пока?

«Ага, у нас здоровых нет, есть недообследованные. «Клиника медицинской диагностики – Бабка Марья», найдем хворь неизлечимую или венец безбрачия и будем годами ромашкой и зверобоем бесов изгонять задорого», – про себя усмехнулась Нина. Но заняться действительно нечем, а на фольклорную бабку-гадалку взглянуть интересно.

– Давайте сходим. Когда быть готовой?

– Примерно через час. Я домашние дела доделаю, и пойдем.

Глава 6

По словам Марыси, идти до травницы примерно минут тридцать через лес на дальний хутор. Но прошло уже не меньше часа, а конца и края леса было не видеть. Марыся шла быстрым шагом, не оглядываясь на девушку. Нина сначала крутила головой, разглядывала лес вокруг, жалела, что оставила телефон на зарядке и нечем запечатлеть эту сосновую красоту. Потом устала, перестала оглядываться и просто шагала, пытаясь не сбить дыхание и не отстать от проводницы.

Лес постепенно темнел и густел, из соснового превращаясь в еловый. Дорога становилась все уже, из асфальтированной незаметно обернулась в обычную проселочную, а потом и вовсе в тропу.

Людей они не встречали, постепенно смолкли и птицы.

– Долго еще? – спросила девушка у Марысиной спины.

– Да вот сегодня что-то долго. Гаёвки, что ли, балуются, дурищи? Или Лесовик с утра с похмелья, старый черт. Пойдем-пойдем, не останавливайся!

И Марыся еще более ускорила шаг. Так шли они еще примерно минут десять, пока Нина не заметила что-то под ногами на тропинке.

Фантик! Фантик от конфеты, который она минут двадцать назад выкинула из кармана, как только они вошли в лес.

– Стойте, стойте, смотрите, что это? – она окликнула женщину. – Да подождите вы, посмотрите, что это.

Нина присела на корточки, вгляделась в бумажки. Она была уверена, что изначально фантик был один. А сейчас их было несколько! Девушка обернулась на подходящую Марысю.

– Вот черт! Так и знала! А ну, отойди! – потянула та Нину за рукав.

Фантиков было уже штук десять...

Женщина торопливо полезла в висевшую на плече большую сумку. Достала пластиковую бутылку с водой, наклонилась над яркими обертками и быстро зашептала, не сводя с них глаз:

*– Водица-молodiца, моя заступница,
все беды отведи на моем пути,
все страсти, все напасти,
все обманы лихих дельцов, воров, подлецов...*

Не переставая шептать, открутила пробку и брызнула водой на конфетные фантики. Бумажки зашипели, почернели и пропали. Нине показалось, что вдалеке в лесу кто-то вскрикнул. Поднялся ветер, зашумели ветками деревья. Через какое-то время ветер стих и лес стал будто немного светлее.

– Ого! – сказала Нина. – Что это было?

– Подожди пока, ничего не спрашивай, может, ничего еще и не было.

– Да как это не было? Я же видела! Ну вы тут даете, колдуны местечковые, просто пятый сезон битвы экстрасенсов какой-то!

Женщина огляделась по сторонам, поправила упавшие на лицо волосы, вытерла лоб рукой.

– Ну все, теперь вроде спокойно, разбежались дуры, можем идти.

И она опять заторопилась вперед по тропинке.

– Серьезно, что это было? Ну расскажите, а? Я же видела.

– Что еще ты видела? – спросила женщина, как будто смирившись. – Что конкретно сегодня ты видела необычного?

– Да вроде ничего такого вот прям уж необычного. Мужик меня стрёмный подвозил, чушь какую-то нес про опустевшую деревню и заброшенную церковь. Кот слишком большой для местных широт возле церкви ошивался...

– И Воструху мою в доме слышала, гаёвок в лесу заприметила, – себе под нос продолжила Марыся.

– Что за гаёвки?

– Да может, и ничего еще, может, и обойдется. Баба Вера пусть на тебя посмотрит и скажет, вправду ты это все видела или придумываешь.

– Да ничего я не придумываю! И что еще за баба Вера?

– Гадалка-травница. А вот, смотри, мы уже и пришли.

Лес расступился, открывая вид на небольшой хутор, яблоневый сад и покосившиеся крыши хозяйственных построек. Забор то ли был и скрывался в разросшихся по периметру сада кустах, то ли его и вовсе не было, так сразу не разберешь. Вообще все вокруг сильно заросло бурьяном, и с первого взгляда не было понятно, живет кто на хуторе или дом стоит заброшенный.

Тропинка упиралась прямо в деревянную калитку. Они приблизились, открыли ее с легким скрипом и вошли.

Во дворе, сразу за кустами, почти прямо перед ними возникла высокая худая женщина. На голове ее была повязана цветастая косынка, на руках резиновые перчатки ядовито-желтого цвета, вымазанные черной жирной землей. Видимо, ее оторвали от работы в огороде. Возраст женщины, на первый взгляд, определить трудно. Кожа на лице почти коричневая, выдубленная не то возрастом, не то солнцем, вся в глубоких морщинах. Но спина прямая, и взгляд очень уж живой и даже какой-то насмешливый, что ли.

– Ну привет. Дошли, не заплутали? – она взглянула на пришедших и чуть склонила голову набок. От уголков глаз к вискам разбежались привычные к частой улыбке морщинки. Сами глаза были цвета перезрелой вишни, буро-коричневые, почти черные.

– Не заплутали, – сердито сказала Марыся. – Хотя этот старый пень Гаюн и пытался нас заморочить, ну, или девки его дорогу блудили.

– Не пень я! И не такой уже и старый! И не девки это мои, а кровиночки родные, – обиженно запрочитал кто-то из-под тени навеса.

Нина пригляделась и увидела сидящего на табуретке мелкого невнятного старичка. Толком рассмотреть его не получалось. Мешало то ли плохое освещение, то ли что...

– Тебе что, старый дурень, делать нечего? Зачем к нам прицепился? Думаешь, у меня времени вагон по лесу зря блудить за твоими девками? – продолжила возмущаться Марыся, подходя ближе к навесу.

– А чего ты ведьмочку через мой лес ведешь, разрешения не спрашиваешь?

– А ты почему знаешь, кто она? Лично с ней знаком? В душу ей заглядывал? Или это у тебя уже галлюцинации на фоне бытового алкоголизма?

– Мне Вазила говорил, что вез ее сегодня к нам в деревню. Если не ведьма, разве бы она его увидела? А тем более села к нему в машину и говорила с ним как с обычным человеком?

Нина стояла и усилием воли не давала рту открыться от удивления. Что они такое говорят? Про кого они такое говорят? Про нее? Это она, что ли, ведьма? Да что тут за чертовщина творится?

– Хватит ругаться, развели базар, – остановила перебранку гадалка-травница. Сняла резиновые перчатки, кинула их на траву возле вскопанной земли и направилась в дом.

Марыся и Нина последовали за ней. Та возле крыльца замедлила шаг, пытаясь рассмотреть старичка поближе, но тот уже куда-то исчез.

Глава 7

В доме было темно. Узкие окна, к тому же занавешенные шторами, пропускали слишком мало дневного света. Почти неразличимые детали обстановки тонули в полумраке. Какая-то мебель возле стен, разбросанные тут и там вещи, хорошо освещался только массивный деревянный стол под окном. Вкусно пахло сушеными травами. Ромашка? Чабрец? Нина не очень-то в них разбиралась.

– Садись, деточка, – бабулька показала ей на табуретку под окном возле стола. – А ты, Марыська, сходи посмотри, что там на дворе, не утащили ли гаёвки с собой чего лишнего. Проверь, как проклёныши в огороде работают, и скажи им, чтобы воды принесли, будем чай пить.

Нина присела на край табуретки, ей было не страшно, но как-то неуютно, не в своей тарелке. События сегодняшнего дня закручивались в тугую спираль, как сюжет мистического триллера. Работа и жизнь в городе теперь казались чем-то несущественным, будто это не ее жизнь, будто жила она так когда-то очень и очень давно.

– Покажи колечко, милая, – сказала травница, присаживаясь и протягивая Нине руку.

Девушка инстинктивно спрятала ладони под стол.

– А вам зачем?

– Да не бойся, не обижу. Знавала я твою бабку, очень ты на нее похожа, и колечко это помню. Как звать тебя?

– Нина, в честь бабушки назвали.

– Нина? Вот это да. Какое красивое и теперь уже редкое имя, – бабулька рассматривала девушку со всё возрастающим интересом и удивлением. – И что же она, Ниночка, колечко тебе подарила, а объяснять ничего не стала?

– Не дарила она. Бабушка умерла, а колечко мне мама по наследству отдала на память, с тех пор ношу его не снимая.

– Дела... – баба Вера горестно вздохнула и некоторое время молчала, погружившись в свои мысли. – Умерла, говоришь, Нина Игоревна? Жаль. Сильная ведьма была. Природная. Сейчас таких мало. Ну, давай теперь и на тебя посмотрим, кто ты такая да на что способна.

Баба Вера встала, пошла шуршать в старом пыльном комод. Достала полотняный мешочек, вернулась, села за стол. Взяла с подоконника большую, толстую, белую, похожую на березовое полено свечу. Чиркнула спичкой, зажгла. Огонек зачал черным дымом, но уже через пару секунд вытянулся высоким стройным оранжевым лепестком.

Нина сидела, боясь пошевелиться, и смотрела на все эти приготовления широко раскрытыми глазами. Было жутковато, но очень интересно. Перед ней как будто оживали детские сказки про добрую и злую нечисть, рассказанные бабушкой. «То ли я схожу с ума, то ли это были не такие уж и сказки», – думала девушка.

Тем временем гадалка-травница раскрыла мешочек и высыпала из него на стол кусочки бересты, какие-то кости и мелкие камешки. Накрыла их руками, закрыла глаза и тихо, нарастающим заговорила:

«Лягу я, встану я и пойду из дверей в двери, где живут звери, в чисто поле, на Сиянску гору. Не остановит меня, не догнать меня, с пути не своротит меня ни колдуну, ни колдунье, ни черной думе-ползунье, ни девке от косатой, ни женицине волосатой. На Сиянской горе стоит береза-матушка во двенадцати корнях, день стоит под красным солнышком, ночь под ясным месяцем, все видит, все скажет, все мне покажет, будет моим глазом, моим образом...»

Береста на столе вдруг вспыхнула, повалил едкий дым, Нина закрыла глаза, а открыла их уже совсем в другом месте.

Вокруг нее шумел лес, сама она стояла на неестественно круглой поляне. По краю вставали высокие, темные, очень густые ели. То ли вечер был, то ли раннее утро – не темно, но сумрачно. Ни солнца, ни луны за низкими серыми тучами не видно. Холодно.

В центре поляны спиной к Нине стояла немолодая женщина. Она что-то пела низким гортанным голосом. Слов не разобрать. Женщина высоко подняла руки и запрокинула голову к небу, седые волосы разметались по плечам. Голос ее набирал мощь, поднимался сильный ветер, шумели деревья.

Вдруг вокруг женщины загорелась трава. Пламя окружило ее кольцом, распалось всё жарче и выше. Кольцо постепенно сжималось, сантиметр за сантиметром приближаясь к женщине. Откуда-то доносился истошный собачий лай. Женщина прекратила петь и сказала прямо в небо громким низким голосом:

– Я не боюсь тебя, князь! Ни тебя, ни твоих трусливых шавок! Ты не сможешь меня остановить. Я завершу ритуал и исполню предназначение. Ты сам знаешь, что это неизбежно и пророчество сбудется! Царица умрет, Василек откроет путь, чтобы возродить новый мир!

Внезапно большая темная лохматая тень прыгнула на женщину прямо из огня. Завязалась схватка, фигуры упали на землю, сплелись в мистический клубок, катались прямо в огне. Одежда и волосы женщины тлели, в воздухе разносился запах паленой шерсти. Нина стояла, не в силах пошевелиться, как в кошмаре, когда очень хочется бежать, но тело совершенно не слушается и можно только беззвучно орать от ужаса.

Тень исчезла, огонь постепенно угас, и на пустой поляне осталась неподвижно лежать женщина. Нина медленно подошла к ней, наклонилась, заглянула в лицо и узнала свою бабушку. На шее цепочка с серебряным кольцом, в котором ярко горел синий камень, тот, который сейчас на пальце Нины.

Глава 8

Нина закричала и открыла глаза. Девушку бил сильный озноб, из глаз лились слезы. Прямо перед ней сидела баба Вера, участливо заглядывала ей в лицо, протягивала металлическую кружку:

– Вот выпей, девонька, успокойся. Пей-пей, не бойся.

Девушка взяла кружку, посмотрела бессмысленным взглядом на светло-зеленый отвар. Зубы стукнули о металлический край. Один глоток, другой, третий. Горьковатая жидкость разливалась по животу мягким теплом, унимая дрожь и проясняя сознание. Нина молча маленькими глотками допила отвар до конца, поставила кружку на стол и только после этого подняла глаза на травницу.

– Что это было?

– Так ты сама все видела. Не своей смертью умерла твоя бабуля. Убили ее.

– Как убили, кто?

– Того не ведаю...

– А когда это было? И что она там делала, в этом лесу?

– Не ко мне вопросы. Я в такие дела не лезу и тебе не советую. Дольше проживешь.

– Нет, послушайте! Нельзя же так! Что вы все глаза отводите да говорите загадками. Объясните мне уже наконец, что здесь вообще происходит? Что это за чертовщина околорольфорная? – Нина разозлилась не на шутку.

– Объясню. Ты только сразу рожу не криви да глаза не закатывай. Два раза рассказывать не буду. Один раз расскажу, на вопросы, ежели будут, отвечу. А уж поверишь ли ты мне и как дальше будешь жить – это тебе решать.

Баба Вера села поудобнее, налила в свою кружку травяного чая и принялась рассказывать, задумчиво глядя не на Нину, а в засиженное мухами окно:

– Живут вокруг нас не только люди, но и нелюди. Нечисть, нежить, бесовское отродье – как ни назови, а смысл один. Живут вроде и рядом, а вроде и не совсем... Они будто в другом мире... в своём, бесовском. Миры эти иногда пересекаются. Иногда в местах заповедных, в некоторых людях, в специальных вещах. Нечисть, как и все твари, есть злая и добрая. Ну как добрая. Тут скорее можно сказать, что есть те, что людям вредят, а есть те, которые людей не трогают. Тех, что за просто так помогают, пока не видала, хотя свет большой, может, и такие есть. Обычный человек просто так нечисть видеть не может. Существуют специальные обряды или заклинания, помогающие нечистиков разглядеть, призвать, прогнать, о чем-то попросить, но это сложно и не всегда получается. Есть люди не обычные, имеющие дар, такие, как я, например, или бабка твоя, в простонародье зовут их ведьмами, колдунами, гадалками, пророчками, экстрасенсами и тому подобными. Но одного только дара, конечно, мало, нужны знания специальные, чтобы уметь этот дар использовать. Со знаниями, конечно, в наше время беда. Вроде как информации много разной, но и шарлатанов развелось как собак, которые тебе и обряд проведут, и артефакт достанут, ты только денежки плати, а толку – пшик.

– А я? Получается, у меня тоже есть дар?

– Дар в людях видеть могу, но не шибко понимаю, какой он. Я не такая сильная ведьма, как была твоя бабка. Но, судя по тому, что ты лесовика у меня возле дома разглядела и даже говорить с ним могла, дар у тебя есть. Да и сама ты, наверное, не раз замечала чертовщину вокруг себя, необъяснимую удачу или возможность видеть наперед. У всех по-разному проявляется. Кроме того, в нашем мире обереги есть разные, которые ведьмы и колдуны изготавливают, типа колечка твоего, вода есть заговоренная, отвары, зелья специальные да много чего еще.

– Да я видела. Когда мы сюда шли, Марыся какие-то заклинания читала и бумажки водой поливала, а они загорелись и исчезли. Вы про это говорите?

– Да. Это вода от дурного глаза, специально заговорённая, очень полезная в хозяйстве вещь. Я тоже такого много что умею по мелочи. Могу и воду заговорить, соль четверговую сделать, обереги зарядить. Могу, кстати, тебе зелье хорошее на приворот зашептать.

– И что мне теперь делать?

– С приворотом? В чай милому нальешь и слова скажешь, я тебя научу.

– Да при чем тут приворот! Что МНЕ теперь делать? Вы всю мою картину мира наизнанку вывернули, вытряхнули и назад не заправили! Как теперь со всем этим дальше жить?

– Да я откуда знаю, девица? – засмеялась бабка. – Как хочешь, так и живи, как тебе совесть подсказывает.

Назад Нина с Марысей шли уже не так быстро. Баба Вера успокоила их, сказав, что дед Гаюн уgomонился и девок своих приструнил, так что можно идти, ничего не боясь.

– А это, кстати, кто такой был? Типа Лешего? Лесовика?

– Ну да, но только у нас же тут Беловежская пуца начинается.

– Пушча-дрымушча? – улыбнулась Нина.

– Типа того. Так вот, хозяином ВСЕЙ пуци является Пущевик. Он заботится о своем лесе, следит за порядком в нем. Ему подчиняются и служат все звери и птицы. Но людей он не жалует. Хотя из лесовиков людей особо никто не привлекает, от людей лесу никакой пользы – один вред только, но Пущевик особенно лют. Если Лешего или Гаюна еще можно как-то улажить, то Пущевик тебе спуска не даст и просьб твоих не исполнит. Особливо если ты с топором пришел, считай, что живым не выберешься. Сам он высоченный, а тело все в коре, похож на самое высокое в пуце дерево. На глаза людям никогда не показывается, но если зашла ты в какое место дремучее, а там тебе кажется, что за тобой кто-то наблюдает, то все бросай и беги без оглядки. А наш дед Гаюн – это Пущевика младший брат, гаёвки – его внуки, вот уж где девки вредные. Гаюн-то дедуля не злобный. А уж если ты, идя в лес, с собой угощение прихватишь и желательно не только хлеба, но и пива или самогонки чарочку – Гаюн наверняка раздобреет и наведет тебя на особенно грибные или ягодные места, тропку под ногами проложит сухую и прямую. Но если кто в лесу ведет себя по-свински или кричит громко, зверей и птиц пугает, то может и с дороги сбить. Будет несчастный три дня в трех соснах плутать, не сможет из леса выбраться. Или заведет в болото да там утопят в трясине бедолагу вдвоем с Багником.

– Про Багника я от бабушки слышала, только думала, что это сказки.

– Да уж, сказки. Не дай бог к этим сказочникам в гости попасть...

– А почему гаевый дед называл меня ведьмочкой?

– Лесовики, да и не только они, очень к такому чувствительные. Они людей насквозь видят. Мы с тобой только в лес зашли, а старому деду его девки-гаёвки уже все доложили: кто идет, куда и зачем. А ты, дурья башка, еще и бумажку из кармана в траву выбросила, вот они и разозлились. И давай нас с дороги сбивать, тропинки путать. Но я-то баба ушлая, не один год уже по этому лесу хожу и всех тут знаю. А тебя, если бы одна пошла, могли бы и до беды довести.

– А Вазила этот ваш кто? Тоже из этих? Неужели и правда тот самый покровитель лошадей из детских сказок?

– Тот или не тот, это уж я не знаю. Но лошадей он действительно любит, а кроме того и машины всякие. Если поломка какая в транспорте – все к нему. Вот только с нашим миром он вообще почти не связан. Людей простых не видит, те его тоже.

– Так поэтому он говорил, что в деревне никто не живет? Пара домов да поп-пьяница?

– Да, он так деревню видит. Только тех, у кого дар есть, остальных для него и не существует.

Так за разговорами не заметили, как в деревню вернулись. Вечерело.

- Я схожу посмотрю, не открылся ли сельсовет, – сказала Нина.
 - Хорошо, а я пока ужин приготовлю.
 - Может, вам с ужином помочь?
 - Не надо, Воструха поможет.
 - Воструха? Это кто?
 - Да не важно, – отмахнулась Марыся, – потом расскажу.
- Она открыла калитку и скрылась за забором.

Девушка немного постояла на улице и, оглядываясь по сторонам, попыталась сориентироваться, куда ей идти. Потом вспомнила о своем телефоне, оставленном в доме на зарядке, и решила прихватить его с собой, заодно проверить входящие сообщения. Двери дома были открыты, Марыси нигде не видно. Нина заглянула на кухню, увидела в полу открытый люк погреба, решила, что женщина там, и не стала ее окликать. На пару секунд остановилась возле двери, из-за которой днем доносилось пение. Прислушалась – тихо.

Нина зашла к себе, сунула в карман куртки телефон, кинула взгляд в большое зеркало: белые кроссовки, узкие черные брюки, джинсовая куртка, подбитая изнутри белым искусственным мехом. Пригладила рукой растрепавшиеся волосы, посмотрела в свои голубые глаза. «Сегодня ты узнала, что ты ведьма. И как тебе теперь? Что-нибудь изменилось? Появилась ли в глазах неестественная глубина? Может, клыки? Нет? Всё как обычно, всё как всегда. Но ведь должны быть у меня какие-то способности? Те, что отличают меня от обычных людей. Надо попробовать воспламенить что-нибудь взглядом. Ну, или хотя бы передвинуть. Так, что тут у нас... Журнал кроссвордов».

Девушка пристально вгляделась в тонкую бумагу, представляя, как начинают чернеть и сворачиваться края, как потихоньку дымит чернота, появляется оранжевый огонек. Изо всех сил напрягала зрение и волю. Но журнал лежал на своем месте как ни в чем не бывало и на усилия никак не реагировал. Нина разочарованно выдохнула. Ну что ж, Москва тоже не сразу строилась.

Глава 9

Проходя мимо церкви, Нина еще раз обратила внимание на деревянную колокольню. Видеть такие ей раньше не приходилось. Интересно, как называются такие постройки? Нина достала телефон. Так... униатская церковь в деревне построена в 1782 году... Ого, какая старая, хотя так и выглядит... С того времени, видимо, только перекрашивали, а капремонт не проводили. Рядом с церковью четвериковая каркасная колокольня под шатровой крышей... Надо же. Звучит солидно.

Нина подняла взгляд от телефона, чтобы рассмотреть колокольню повнимательнее, и опять увидела этого огромного котищу на ограде. Его шерсть так и переливалась под закатным солнцем. Девушка подняла телефон и сделала несколько снимков – все-таки кот выглядел очень необычно. Да и сама церковь. Девушка принялась фотографировать постройку, потом колокольню и себя на фоне деревни. Когда через минуту-другую она опять посмотрела на ограду, кота уже не было.

Сходила к сельсовету, подергала за ручки все двери, заглянула в окна, убедилась, что с утра здесь ничего не изменилось и в здании все так же никого нет. Нина присела на скамейку и вытянула уставшие ноги. Размышляла над событиями сегодняшнего дня и странным видением в доме бабы Веры.

Погрузившись в свои мысли, она не заметила, как к ней подошел парень, и вздрогнула, услышав обращенный к ней вопрос:

– Здравствуйте, вы не подскажете, где здесь можно найти магазин?

Нина подняла глаза. Симпатичный, черные волосы, растрепанная челка. Большие карие смеющиеся глаза. Нина оглянулась по сторонам в поисках машины. Ее не было. А на чем же он приехал? Явно же не местный.

– А-а-а, э-э-э... магазин? Так вот же он.

Она махнула рукой в нужном направлении. Продуктовый располагался прямо за спиной молодого парня. «Про библиотеку бы еще спросил, хотя тут ведь и библиотека есть, – Нина мысленно усмехнулась. – Так себе подкат, если честно, а парень вроде бы ничего...»

– Этот я видел, в нем выбор бедноват, а цветов так и вообще нет.

– В таких деревнях, – она чуть было не сказала «у нас», – цветы продаются только пластмассовые и в основном возле кладбища.

Он засмеялся.

– Как вас зовут? – спросил парень. – Здесь живете?

– Нет, я в командировку приехала. Меня зовут Нина. А вас?

– А меня Варган. Я тут проездом, направляюсь в Беловежскую пущу. Остановился в поисках еды. Может, пообедаем вместе? – он продолжал широко улыбаться, глядя ей в глаза.

– Нет, спасибо, я уже обедала.

– Очень жаль, приятно было познакомиться. Может быть, еще увидимся.

– Может быть. Всего хорошего, – Нина тоже улыбнулась ему и, чтобы закончить разговор, сделала вид, что ей срочно понадобилось позвонить. Она достала телефон и начала беспорядочно клацать пальчиком по иконкам приложений, краем глаза наблюдая за удаляющейся спиной.

Раз уж достала телефон, Нина решила посмотреть на фотографии себя и церкви, которые только что сделала. Девушка полистала снимки в галерее туда и обратно. Несколько раз. Хм-м... А где кот? Вот церковь, вот колокольня, вот ограда – а кота нет! «Всё страньше и страньше! Всё чудесатее и чудесатее!» – мысленно процитировала Нина Алису в Стране чудес и улыбнулась. Настроение было отличным, несмотря на то, что ничего из намеченного на сегодня по работе выполнить не удалось.

Когда Нина вернулась в Марысин дом, время подходило к ужину. Вечер был теплым, безветренным. Облака совсем исчезли, небо раскинулось над деревней ясным шатром. Закатное солнце окрасило его в оранжевый цвет, позолотило крыши домов и верхушки деревьев. Скрипнула под пальцами калитка, зашуршал под ногами гравий, с крыльца кто-то вскочил и метнулся в дом. Нина оторопела. Что это? На собаку не похоже. Или показалось? Что-то ей сегодня слишком многое кажется.

Марыся, хлопотавшая на кухне, обернулась на вошедшую:

– Ну что, есть новости?

– Новостей нет, все закрыто, вокруг сельсовета никого не видно. Придется оставаться ночевать и идти туда завтра утром.

– Оставайся, конечно, так же и договаривались. Иди руки мой, за стол садись, сейчас поужинаем, и отдыхай. А поздно вечером пойдешь со мной четверговую соль делать. Мне там как раз помощница не помешает. Тяжело уже одной дрова в лес тягать.

– Что за соль четверговая? Первый раз слышу.

– Вот вы городские темные, ничегошеньки не знаете. Ты хоть знаешь, какая сегодня неделя?

– Какая?

– Страстная. Последняя неделя великого поста перед Пасхой. А день завтра знаешь какой?

– Четверг.

– Правильно, четверг, но какой четверг? Вот же дура-то, прости господи. Завтра чистый четверг, а это значит, что дел по горло. В это время столько амулетов мастерится, столько обрядов совершается, чтобы на весь год хватило. Очень важный день. Хорошо, что ты тут, помощь не помешает. Да садись ты ешь, сейчас я тебе все расскажу.

Женщина поставила перед Ниной тарелку жареной картошки и налила из кувшина в стакан какую-то коричневую жидкость, девушка принялась. Пиво? Нет, похоже, квас. Картошка блестела подсолнечным маслом и поджаристыми корочками, распространяя умопомрачительный аромат. Нина принялась за еду, попутно расспрашивая Марысю, что за обряды ждут их сегодня ночью.

– Ну то, что в чистый четверг все везде убираются, дом моют, двор чистят, сами в бане парятся да детишек купают, я думаю, ни для кого ни секрет. Из самого названия дня понятно. Но помимо только в этот день, только один раз в году, можно приготовить четверговую соль. Такая соль мощный оберег от сглаза, болезней и недоброжелателей. Ее используют весь год в большинстве магических обрядов для защиты и усиления. В общем, вещь в хозяйстве очень важная, почти незаменимая. Тебе всякие доморощенные гадалки и экстрасенсы миллион способов расскажут, как ее делать, но баба Вера научила меня единственно правильному. Так что ешь давай. Вечером, как стемнеет, в лес пойдем.

Глава 10

Поздно вечером, ближе к полуночи, Марыся постучала в комнату Нины и позвала ее на кухню. Там достала из шкафчика несколько пакетов крупной морской соли, высыпала в холщовый мешок, туда же добавила пару столовых ложек квасной гущи из большой кастрюли и размоченный мякиш черного хлеба. Наклонилась над мешком, пошептала. Слов Нина не расслышала. Завязала мешок суровой красной ниткой и положила в большую сумку, висящую на плече.

– Так, ты иди на двор, посмотри. Там дальше, справа под навесом, сложены дрова. Сверху на поленнице должен быть целлофановый пакет, в нем тоже несколько чурок. Бери пакет, добавь туда еще пару штук потолще, чтобы на хороший костер хватило, и в лес пойдём.

– А зачем нам в лесу костер? Ведьму будем жечь? – хихикнула Нина.

– Я бы на твоём месте так не шутила, – угрюмо отозвалась женщина.

– А дрова зачем с собой берём, почему в лесу набрать не можем? Для ритуала нужны особенные?

– Можно и обычные, но лучше, конечно, особенные. Чтобы правильно четверговую соль приготовить, ее нужно закалить в огне. Огонь, как и вода, тоже обладает очистительной силой, а чтобы силу огня увеличить, нужны «воскресные» дрова.

– Как это – «воскресные»?

– Во время Великого поста хозяйка откладывает отдельно по одному полёну каждое воскресенье, получается штук шесть-семь поленьев. Они и называются «воскресными». Для приготовления четверговой соли лучше использовать именно такие. Господи, ну что за молодежь пошла, ничего не знают, ничему учиться не хотят.

– Почему не знаем? – обиделась Нина. – Очень многое знаем и многому учимся. Вещам посложнее и полезнее вашей соли.

– Ну это еще, знаешь ли, большой вопрос, что кому полезнее, – проворчала Марыся. – Ладно, иди за дровами и жди меня у калитки.

Нина нашла и обычные, и воскресные. Упаковала все в большой пакет и вышла за калитку. Вечер был теплый и безветренный. Ночь не обещала быть темной: на черном небе булавками сияли звезды и золотистый, почти совершенно круглый блин луны. Полнолуние, что ли? В деревне звезд на небе всегда значительно больше, чем в городе. Нина с детства знала про эту оптическую иллюзию, но все равно каждый раз по-детски удивлялась и радовалась.

Она вспомнила, как сидела с бабушкой теплыми летними вечерами и, запрокинув голову, смотрела в небо. Пыталась успеть загадать желание во время короткого полета падающей звезды. Слушала сказки про то, что это вовсе и не звезды и уж тем более не банальные метеориты, а загадочные духи летуны. Полет летунов медленный и прекрасный. Над тем местом, где они останутся, рассыпаются летуны яркими искрами, а потому в народе их иногда называют рассыпучими. «Эх, бабушка, как же мне тебя не хватает... Что же с тобой случилось? Как ты умерла?» Можно ли верить тем странным видениям об убийстве, что наслала на нее старая травница баба Вера? Надо обязательно завтра к ней вернуться и расспросить подробнее.

Как зашли в лес, пройдя метров пять по лесной дороге, остановились возле большой березы. Ствол ее, видимо, некогда поврежденный, был странным образом изогнут возле земли, образуя достаточно широкую выемку. Марыся достала из сумки хлеб, банку пива и пригоршню конфет, положила в выемку и почтительно поклонилась.

– Это деда Гаюна и девок его задобрить, чтобы ночью в лес пустили, дорогу не путали и обряд творить не мешали, – пояснила она на невысказанный вопрос Нины. – Дальше молча пойдём, не отставай и не мешай. Как на месте будем, скажу, что тебе делать, а пока попусту не болтай. Ночной лес тишину любит.

Примерно через минут тридцать вышли из леса на открытую поляну. Ее ярко освещали звезды и луна, трава под ногами невысокая, мягкая. В центре поляны серебрился в лунном свете большой плоский камень, вокруг – несколько камней поменьше.

Марыся порылась в траве, достала оттуда чугунок, высыпала в него соль, перемешала. Достала бумажный пакет, сильно пахнувший сушеными цветами, добавила его содержимое в чугунок, накрыла крышкой и поставила в самый центр большого камня.

– Вот здесь вокруг чугунок костер раскладывай. Умеешь хоть?

– Умею, – буркнула Нина и принялась за дело.

Костер разгорался, пламя охватывало все больше и больше дров. Нина не могла оторвать от него глаз, как вдруг услышала рядом звучащий сначала тихо, но потом все громче и быстрее речитатив Марыси:

– Уж ты, батюшка, светёл месяц, не летал ли ты по воздуху, не бывал ли ты у Адама во дому, не видал ли ты Адама во гробу? В чистом поле лежит Адам, на сток лицом, на восток хребтом, отродя до креста, от креста до венца, от венца по жизни конца....

Марыся уже почти выкрикивала слова и вертелась вокруг себя в странном страшном танце. Нина сама не замечала, как потихоньку, шаг за шагом пятилась все дальше от костра. Пламя разгоралось все ярче, поднималось все выше, и лицо девушки горело от его жара. Пространство вокруг ярко освещено. Отблески костра выхватывали когтистые еловые лапы по краям поляны, за ними была непроглядная чернильная темнота леса.

Как вдруг раздался пронзительный визг, заболели уши, заньло в затылке. Поднялся сильный ветер. Над костром метнулась тень. Нина вглядывалась в темноту. Странное существо летало над поляной. Металось довольно быстро, это мешало его рассмотреть, но кое-что увидеть Нине все же удалось.

Тварь похожа на большую змею с раздвоенным хвостом. Вокруг страшной морды раздувался тонкий перепончатый капюшон. Время от времени существо издавало пронзительный визг, тогда свет костра освещал пасть с острыми и длинными иглами зубов. Сделав несколько кругов над поляной, существо исчезло в ночи, повторный визг раздался уже из темноты леса.

Девушка расширенными от ужаса глазами смотрела на Марысю.

– Касны, будь они неладны! – крикнула та. – Туши костер скорее, не будет никакой четверговой соли, хоть бы живыми уйти!

– Касны? Кто это?

– Потом расскажу, некогда сейчас! Раскидывай костер! Если стая налетит – выпьют дочиста, не отобьёмся.

Они вдвоем принялись, обжигая руки, растаскивать дрова, затаптывать огонь и красные светящиеся угли. Страшные пронзительные крики повторялись, казалось, их стало больше, и доносились они с разных сторон.

– Господи, они ведь на кого-то напали уже. Неспроста визжат, подмогу собирают. Господи, что же делать-то... – причитала Марыся.

Нина, ничего не понимая, затаптывала огонь, от страха заболел живот. Вдруг совсем рядом раздался тонкий громкий крик:

– Помогите!

Голос был высокий, как у ребенка. Нина не думала – сработали инстинкты. Рванула в темноту леса, ориентируясь на голос. Ветки хватили за ноги, под ноги кидались кочки и поваленные деревья. Когтистые еловые лапы цеплялись за одежду, царапали руки и лицо. Девушка, пробежав немного, остановилась. Прислушалась, вертя головой по сторонам, пытаясь установить, откуда раздавался крик о помощи и куда двигаться дальше. Марыся за ней не побежала, осталась на поляне.

– Помогите!

Так. Кажется, справа. Нина устремилась туда. Впереди лес расступался, наверное, там просека или еще одна поляна. Нине было не до того, чтобы оглядываться по сторонам. Две или три твари с раздвоенными змеиными хвостами катались по земле, еще одна летала сверху и время от времени издавала пронзительный визг – созывала стаю на помощь.

«Вот это я зря сюда ломанулась, – подумала девушка. – Одна, да еще голыми руками, как я с ними справлюсь?» Но отступить было поздно. Ее заметили. Твари бросили свою жертву и обернулись к ней.

Они медленно подползали, извиваясь змеиными телами. Глаза горели адским оранжевым огнем. Широко раскрытые пасти обнажали тонкие острые зубы. Нина оглянулась по сторонам, подхватила с земли палку. «Что мне делать? Они сейчас кинутся и порвут, а я что? Я даже не дралась толком никогда».

Нина отступала, пока не уперлась спиной в шершавый ствол огромной сосны. Дальше отходить некуда. Нина подняла палку и закричала, пытаясь хотя бы напугать этих странных змей. Они отпрянули, но ненадолго...

Первая кинулась на нее. Девушка увернулась, попыталась достать змеюку палкой. Почувствовала, как хвост обвивается вокруг ее ноги. Нина упала, покатила, отбросила ненужный сук, пыталась отбиться руками, ногами, кусала зубами. Вырвалась, вскочила, увидела силуэт кого-то мелкого, кто дрался рядом с ней. Первая жертва? Ребенок, которому она пришла на помощь? Рассуждать было некогда – вокруг мелькали зубы и хвосты, хрустели под ее руками перепончатые крылья. Они кидались отовсюду: снизу, сверху, слева и справа. Нина уворачивалась, пока внезапно ее не подкосила острая боль в правом бедре. Какая-то тварь все же дотянулась и впила зубами в ногу. Нина принялась молотить ее кулаками по голове и глазам, схватила за шею, пыталась задушить или хотя бы оторвать от себя. Но силы быстро таяли.

Вдруг рядом блеснула молнии – одна, другая, третья. Разряды попадали в змей, касны корчились и визжали от боли. Нина подняла глаза и увидела бабу Веру. Та стояла, высоко подняв руки кверху, и выкрикивала громким голосом незнакомые слова. Кончики ее пальцев светились, молнии падали с неба. Три или четыре гадины лежали мёртвыми. Уже успевшая собраться довольно большая стая кружила над девушкой, не осмеливаясь спуститься ниже, но и не улетая совсем. Баба Вера запрокинула голову, скрестила руки на груди, закрыла глаза и запела громким грудным голосом. Голос набирал мощь, вызывал вибрацию. Задрожала земля под ногами. Воздух наэлектризовался. Запахло озоном, как перед грозой.

Вдруг небо расколосось пополам. Нина смотрела прямо в разлом, не понимая, как такое возможно в принципе. Звездное небо треснуло, оттуда бил яркий, но какой-то холодный страшный синий свет. Донесся нечеловеческий крик:

– Ставры! Гавры! Гам! Взываю к вам!!!

И с неба кинулись вниз два страшных пса. Седые шкуры и мертвые пустые глаза вводили в оцепенение всех живых, кому выпало несчастье увидеть двух главных стражей царства мертвых.

Вокруг бабы Веры закрутился вихрь, в песню старой травницы вплелся дикий собачий вой. Собаки, спрыгнув с небес, бежали по кругу все быстрее, пока вихрь не поглотил их и песня бабы Веры не оборвалась.

Глава 11

Сознание постепенно возвращалось. Вместе с ним пришла головная боль. Открывать глаза Нина не спешила. Сквозь сомкнутые веки видно свет – значит, день. Похоже, она лежит в постели. Под головой подушка, сверху одеяло. Попробовала пошевелить пальцами. Получилось. Что происходит? Надо все же открывать глаза. Побеленный потолок, лампы дневного света, окрашенные светло-зеленой краской стены. Белое казенное постельное белье. Она попыталась повернуть голову. Комната небольшая. Возле противоположной стены незастеленная высокая кровать на колесиках с клеенчатым матрасом и тумбочка. В углу умывальник. Похоже на больничную палату.

Нина попыталась вспомнить, что произошло. Вспомнила и похолодела. Похоже, ночью в лесу от потери крови потеряла сознание. А здесь как оказалась? Вернулась Марыся и вызвала скорую? Скорее всего.

Девушка попыталась сесть, но слабость привязала ее к кровати надежными жгутами. Сделав несколько бесплодных попыток, Нина решила, что лучше сначала все-таки поспать, и провалилась в глубокий сон без сновидений.

Ее разбудил врач. Самочувствие было уже намного лучше. Нина без труда села и ответила на несколько уточняющих вопросов. Выслушала историю, как в лесу сильно распорол веткой бедро, была задета артерия, в связи с чем потеряла много крови. Как оказалось, Марыся успела сделать ей тугую повязку и вызвать скорую из Каменца. А еще о том, что в пуще есть волки и, несмотря на то, что весной они обычно близко к деревне не подходят, вчера стая, видимо, вышла на запах крови, напала на бабу Веру и задрала до смерти. Что?

– Что? Что вы говорите? Баба Вера умерла?

– Да. Нашли на хуторе уже мертвую, такое несчастье. Нельзя в таком возрасте одной в лесу жить. Опасно.

Нина сидела в ступоре и пыталась переварить услышанное. Волки, стая, нашли мёртвую, у себя на хуторе. Да как так-то?

– А где мои вещи? Где телефон?

– Не знаю, вас так привезли, без телефона. Вам наложили швы, нога будет еще несколько дней болеть. Посмотрим на самочувствие и к вечеру, возможно, уже выпишем. Придется только раз или два приехать к нам или по месту жительства на перевязку.

С этими словами врач ободряюще ей улыбнулся, пометил что-то в истории болезни и вышел из палаты.

Нина откинулась на подушку и уставилась в потолок.

– Привет и спасибо, – раздался голос со стороны окна.

Девушка подскочила и обернулась. У нее не было проблем со зрением, но она все же сощурилась, не в силах поверить своим глазам.

– Ты кто? – спросила удивленно и испуганно.

– Я – мелкий бес Анчут.

– Мы знакомы?

– Официально нет, но мы виделись ночью в лесу. А потом мне все про тебя Марыся рассказала. Ночью я напоролся на стаю касн, в полнолуние они особенно агрессивны. Высушили бы меня и выбросили мёртвенького, если бы ты не выскочила из леса. Бесстрашная, как Орлеанская дева, с палкой наперевес, – он хихикнул.

Выглядел он престранно. Мелкий, размером с четырехлетнего ребенка, лохматый, глаза огромные, зеленые, уши большие, как у овчарки, ноги обвивает тонкий хвост с кисточкой. А что это в пушистой шерсти на голове? Рожки, что ли? С ума сойти.

– Эй, ты что это? В обморок собралась? Погоди-погоди, красавица. Дыши. Ровнее. Глубже. Вдох-выдох, вдох-выдох. Водички дать?

– Не надо мне водички. Повтори еще раз, кто ты такой.

– Анчут. Мелкий бес. Явился выразить тебе глубочайшую признательность за спасение своей никчемной бесовской жизни и сказать, что я теперь твой должник. Таков уклад.

Нина перевела дыхание. Бес вроде был не опасен и на галлюцинацию не похож, выглядел вполне реально. Да и вообще Нина постепенно начала привыкать к творившейся вокруг чертовщине. Вопрос о том, верить ей или не верить, уже не стоял. Либо окружающий ее привычный мир вышел за пределы общепринятой нормальности, либо туда вышел ее разум.

– Анчут, слушай, а может, я просто сумасшедшая? – решила она спросить у беса.

Тот оценивающе окинул ее взглядом и задумался.

– Может, и сумасшедшая, я не психиатр. А на что жалуешься? Симптомы какие?

– Ну-у-у... – она помолчала. – Галлюцинации у меня, слуховые и зрительные. Нечисть сказочную вижу, слышу и иным образом взаимодействую.

– И все? А раздвоение личности, психозы, немотивированная агрессия и навязчивые состояния бывают? Наркотики принимаешь?

– Нет.

– Если просто нечисть видишь, то не сумасшедшая. Вначале, конечно, будет удивительно, потом привыкнешь. Я, например, когда 3D очки в первый раз надел, тоже не поверил и решил даже, что у меня кукушечка отъезжает. А еще метро не люблю, но ничего, привык.

– Ну хорошо, должник, а как ты мне долг отдавать собираешься?

– Спасу тебя от смерти разок, и все, разойдемся как в море корабли.

– А то, что ты меня в лесу от потери крови спас, разве не считается? – поинтересовалась Нина, поднимая одеяло и рассматривая повязку на бедре.

– Не считается, к сожалению. Это Марыся тебя перевязывала и скорую вызвала. Меня самого касны нормально так подрали, хорошо, у Марыси с собой живая вода была, а то не успела бы к нам скорая. Там ехать часа два, не меньше, никакие жгуты и тугие повязки не помогут.

– А расскажи тогда, что там врач про бабу Веру говорил. У вас правда волки ходят, на людей нападают?

– Да какие волки, – Анчут погрузнел. – Волки у нас уже, наверное, лет двадцать ни на кого не нападали. Да уж кто-кто, а баба Вера нашла бы с хищниками общий язык. Не волки это...

– Мне кажется, я видела двух больших собак.

– Да, это Ставры и Гавры, две собаки Князя Бая, посредники между мирами. Два стража царства умерших. Не знаю только, кто их вызвал и зачем. Может, она сама? – Анчут опять помолчал и грустно вздохнул. – Я бес маленький, большим колдовством не владею. А бабу Веру жалко. Хорошая была женщина. Всем нам помогала.

Глава 12

В тот же день Нину не выписали, и ей пришлось остаться на ночь в больнице. Она хорошо выспалась. Утром сделали перевязку, к обеду оформили эпикриз, выдали его на руки и отправили на все четыре стороны.

Нина вышла на порог больницы без телефона, без вещей, без понятия, как ей теперь добраться из Каменца в Димитровичи. Нужно ехать к Марысе за вещами и к незаконченной работе. Анчут больше не появлялся, и вообще все происходящее никак не выходило за рамки обыденности. Нога немного болела, и Нина, прихрамывая, пошла к автовокзалу узнать расписание пригородных автобусов.

В Димитровичи она добралась только к вечеру. Было уже понятно, что сельсовет, конечно же, опять закрыт и придется оставаться как минимум еще на одну ночевку. Марысю Нина дома не застала и присела ждать ее на лавочке возле калитки, массируя большую ногу.

– Мяу, – послышалось со стороны дороги. Опять этот кот.

Марыся вернулась через час, они сели ужинать. Настроение у обеих было подавленным. Объяснять что-либо и рассказывать про ночное происшествие в лесу и смерть бабы Веры Марыся не хотела. Устав тянуть каждое слово клещами, Нина махнула рукой, молча допила чай и пошла спать с тяжелым сердцем. Боль в ноге и ночные кошмары не дали ей выспаться. Она проснулась ни свет ни заря и долго лежала, глядя в потолок, перебирая в памяти события прошедших дней.

В девять утра, умывшись и позавтракав, Нина в очередной раз направилась в сельсовет.

К счастью, сегодня, несмотря на субботний день, там ее встретила приветливая женщина, помогла найти и выписать нужные сведения из архива, сделать недостающие копии документов, поправить цифры в отчетах. Работа ей была привычна, и Нина полностью справилась с ней за несколько часов. Можно было возвращаться домой в город.

После обеда Нина изучила расписание междугороднего транспорта и наметила нехитрую логистику возвращения. Честно говоря, эта деревня начала уже порядком ей надоедать. Хотелось домой. Нина расплатилась с Марысей за комнату, тепло с ней попрощалась и, дождавшись на остановке старого пригородного Икаруса с немногочисленными попутчиками, поехала на вокзал.

Электричка практически пустая. В вагоне всего несколько пожилых людей, дремавших возле окна, и небольшая компания молодых людей, изредка смеющихся в противоположном конце вагона. Они часто бегали курить в тамбур и что-то показывали друг другу на экранах своих смартфонов.

Нина сидела возле окна, рассматривала пробежавшие мимо поля, леса, деревеньки. Строила планы на предстоящие выходные, думала о том, что довольно давно не навещала родителей, но с перевязанной ногой к ним лучше не соваться.

– Белорусская природа прекрасна. Не так ли?

Нина вздрогнула. Напротив нее, задумчиво глядя в окно, сидел Анчут и теребил в пальцах кончик хвоста.

– Особенно в зависших над полями аистах есть какая-то завораживающая волшебная красота. Как будто тысячу лет парят они в небе, владеют всей мудростью и знают всю историю нашего края, – задумчиво продолжал бес.

– А ты философ, да?

– А ты нет?

– Для философии я еще слишком молода! – отмахнулась Нина.

– Ты себе льстишь, – захихикал мелкий гадёныш.

Нина фыркнула.

– Возраст женщины не в паспорте, а в глазах.

– Так и я про то же!

– Прекрати хамить, – с улыбкой сказала девушка. – Ты как здесь оказался? И почему никто не обращает на тебя внимания? Они тебя не видят? Им кажется, что я сумасшедшая и разговариваю с пустым местом?

– Давай по порядку. Во-первых, корректнее было бы задать вопрос не «как», а «зачем». Мне придется все время быть поблизости, куда бы ты ни направлялась, чтоб успеть спасти твою жизнь, когда подвернется такая возможность. Таким образом вернуть должок. Во-вторых, внимания на меня не обращают, потому что не видят, и сумасшедшей тебя считают если только из-за расцветки рюкзака. И в-третьих, никто не видит, что ты с кем-то разговариваешь. Всем кажется, что ты молча смотришь в окно. Я не знаю, как это объясняется с точки зрения законов физики или анатомии строения глаз, но это факт.

– Интересненько. Значит, ты поедешь со мной в город? Будешь постоянно надоедать мне дома и на работе?

– Вообще-то я максимально тактичен и воспитан, – неожиданно обиделся Анчут.

– Ага, я заметила.

– Это просто ты пока мало с нечистью общалась и тебе не с чем сравнить. Ладно, не смею мешать, – сказал он, недовольно поджав губы, и растаял в воздухе.

Глава 13

Нина вернулась домой поздно вечером, забрала у соседки ключи, до отвала накормила кота и наелась сама. Упала на кровать и, уткнувшись носом в родную подушку, провалилась в глубокий сон.

Разбудил ее запах кофе и корицы, доносившийся из кухни.

– Ничоси, – сонно пробормотала она. – Маркиз, я знаю, ты скучал, но чтобы настолько?

Так! Что? Девушка одним рывком села на кровати и поморщилась от боли в ноге. Какой Маркиз? Как бы ни скучал кот, поверить в то, что сварил кофе именно он, совершенно невозможно. Но если это не кот, то кто? Ключи от ее квартиры были только у родителей. Лечь спать с незакрытой дверью она не могла...

– Проснулась, красotka? Поспать ты, конечно, горазда.

Нина бросила взгляд на часы: девять утра.

– В смысле горазда?

– Выражения «встать с рассветом» или «с первыми петухами» для тебя пустой звук? Хотя чего еще от вас городских можно ожидать...

В двери спальни заглянул Анчут и почесал за ухом чайной ложечкой.

– Тебе сахар в кофе добавлять?

– Ой, ладно тебе, сегодня воскресенье. Если бы не ты, я бы до одиннадцати проспала. Сахар не добавлять, молока тоже не надо.

– Я тебя часов с семи утра дожидаюсь, завтрак приготовил, с котом твоим познакомился – на редкость мерзкий тип.

– Сам ты, Анчутка, мерзкий тип, а котик мой самый лучший. Кс-кс-кс, Маркузя, ты где? Скажи мне, он тебя обижал? – Нина завертела головой в поисках кота. Перегнулась вниз и заглянула под кровать, отодвинула штору и проверила подоконник. Котика нигде не было.

– Я его в ванной закрыл, чтобы шерстью своей на выпечку не тряс. Как ты терпишь его на кухонном столе?

– Мой кот, мой стол, и булочки я не ем! Чего это ты вообще со своим уставом в мой монастырь приперся ни свет ни заря?

– Я хотел как лучше, – обиделся Анчут. – И если булочки ты не ешь, то зачем тогда тебе в доме яйца, мука, сахар и корица? Совпадение? Не думаю!

Нина улыбнулась, поправила пижаму, встала с постели и направилась вызволять кота из ванной.

– Не обижайся. И спасибо за кофе.

– Да пожалуйста.

– У тебя есть какие-то конкретные планы или ты просто в гости зашел? – спросила Нина, скрываясь за дверью ванной комнаты.

– Не знаю, – Анчут примостился на край кухонного стола и задумчиво помешивал кофе столовой ложкой в литровой пивной кружке.

– А ты любитель попить кофе, я смотрю, – девушка появилась на кухне и во все глаза удивленно уставилась на посуду, в которой Анчут заварил себе горячий напиток.

– Кофе я люблю, что да, то да. У вас в городе, кстати, кофеен много? Какая из них самая лучшая? Может, пойдем по городу погуляем, покажешь мне, что тут у вас. Я в Гродно лет тридцать не был. Наверняка все поменялось.

– Ого, а сколько тебе лет?

– Какой невежливый вопрос... – поморщился бес.

– Ну как скажешь. Хорошо, я соберусь, и пойдем гулять. Все равно на сегодня никаких дел не планировала.

В центре города было многолюдно. Погода стояла отличная: травка зеленеет, солнышко блестит – благодать, да и только. Горожане сняли куртки, надели очки и улыбки, подхватили детей и пошли занимать места на открытых верандах кафе и многочисленных лавочках.

Анчут крутил головой по сторонам и удивлялся. Все так по-новому, все так красиво.

– Становится жарковато, давай сядем куда-нибудь, выпьем пива и пойдем проведем Иосифа.

– Я пиво не пью, тем более на улице, тем более в обед, – отчеканила Нина.

– Какая ты все-таки неприятная женщина, – поморщился бес, – послал же бог кредитора.

– А что за Иосиф? И куда пойдем проводить?

– Иосиф – часовщик. Тоже из наших. В гродненском Фарном костеле есть старинные башенные часы XV века, которые до сих пор идут, кстати. И это самые старинные работающие часы в Европе. Во всех остальных Прагах и Краковах в часах давным-давно механизм заменили, а в гродненских нет. А знаешь почему? Потому, что без магии тут, конечно, тоже не обошлось. Ухаживает за ними специальный человек-смотритель башенных часов.

– Типа фиксик? – я улыбнулась.

– Вот же дура-то, прости господи. Какой еще фиксик?! – они уже сидели за столиком в одном из открытых кафе и ждали официанта. – Пива мне возьми светлого разливного, а себе сок или чай, или что там пьют зожницы субтильного телосложения.

Официант принес заказ, и Анчут продолжил:

– Иосиф – часовщик и мой хороший друг. Он отремонтировал и восстановил ваши городские часы, вдохнул в них жизнь – завел. И на протяжении двадцати пяти лет почти изо дня в день, а иногда и по два раза поднимается на высоту десятиэтажного здания, чтобы их завести и поддерживать в рабочем состоянии. К башенным часам в Фарном костеле ведет узкая, очень крутая винтовая лестница из ста тринадцати ступенек. Такая лестница есть еще в башне Мирского замка, но по крутости с гродненской она ни в какое сравнение не идет. Часовщик смотрит за часами как за ребенком: смазывает механизм, заменяет детали, которые со временем приходят в негодность, регулярно их заводит.

– Он умер.

– Кто умер? – поперхнулся Анчут.

– Иосиф, смотритель башенных часов. Ему слишком часто приходилось подниматься наверх, а он в почтенном возрасте уже был, плюс проблемы с сердцем. Однажды, когда он в очередной раз поднялся туда, сердце не выдержало и остановилось. Какую-то мистику к смерти приплетали, но я точно не помню. Это случилось года три назад, может, четыре. Тогда еще часы впервые за четыреста лет остановились и не работали две недели. Я в новостях читала. Сейчас там молодой мастер, вроде бы его ученик.

– Да? Надо же. Как жаль... Я давно к вам не приезжал и не успел повидаться, – горестно вздохнул Анчут.

Глава 14

Перекусив в кафе и побродив по центральным улицам Гродно, Нина и бес оказались перед воротами Нового замка. Нина очень любила эту гродненскую достопримечательность. Замок находился в центре города, но и в то же время в стороне. И вид оттуда на реку Неман открывался умопомрачительный, и сам замок, скрытый за деревьями так, что с дороги не разглядишь, при подходе ближе очаровывал своей красотой. Он был построен в начале XVIII века как новый королевский дворец, который использовался в качестве летней резиденции польских королей и литовских князей.

– А ты в курсе, что замок был проклят? – беспечно спросил у Нины Анчут.

– В смысле?

– В коромысле. Проклят, как все замки. Потом, правда, проклятие сняли, но сначала все как положено было...

– Нет, не в курсе, расскажи, – глаза Нины заблестели от любопытства.

– Многие считают, что место для строительства Нового замка было выбрано весьма неудачно. Если детально изучить историю, то можно узнать об одном пугающем факте. Еще в средневековые времена здесь располагался Нижний замок, в котором было совершено предательство пруссов. Крестоносцы убили порядка ста человек стражи и их вождя. Умирая мучительной смертью, тот проклинал и предателя, и землю. Кто бы мог подумать, что он окажется сильнейшим черным магом и его проклятие накроет это место надолго.

С тех пор местность считалась гиблой и ничего толкового на ней построить не могли, несмотря на прекрасное расположение на холме возле широкой судоходной реки. На протяжении столетий людей, которые занимались здесь строительством, а их было немало, преследовали одни несчастья. Проклятие коснулось и архитектора Нового замка: тот умер при загадочных обстоятельствах. Его сын, руководивший после смерти отца строительством, тоже погиб. Руководитель Яух, который заменил их обоих, покинул этот мир сразу после окончания строительных работ и тоже при весьма странных обстоятельствах. Может, конечно, и совпадение. Но лично я в такие совпадения не верю. Здесь и сейчас проклятие не чувствуется, но это совершенно не значит, что его никогда не было. Скорее всего, кто-то из великих колдунов снял потихому. И не удивлюсь, если при помощи жертвоприношений или еще какой гадости. Вот все теперь и помалкивают. Ну да это дело прошлое.

Они подошли к пешеходному мосту, разделяющему Старый и Новый замок.

– Зайдем? – предложила Нина, кивая на ворота. – Экспозиция в музее, конечно, не ахти, а вот библиотека очень крутая. Я бы хотела посмотреть. Вдруг найдутся какие-то сведения про собак Ставры и Гавры, которые, как мне кажется, убили бабу Веру?

– Ну давай посмотрим. Архивы часто бывают полезны. Со мной ты увидишь немного больше, чем рядовой посетитель с простым читательским билетом. Обещаю, будет интересно, – довольно потер ладошки Анчут.

Главный корпус дворца в виде буквы «П» образовывал большой парадный внутренний двор, библиотека занимала правое крыло.

Войдя в прохладный мраморный холл библиотеки, девушка остановилась и огляделась. Старинный паркет на полу заботливо укрывала красная ковровая дорожка, стрелой упирившаяся в тяжелые дубовые двери. Они были чуть приоткрыты.

За дверьми высилась деревянная стойка. За ней в глубине помещения, насколько хватало глаз, стояли стройные ряды высоких стеллажей, плотно заставленных книгами. Других посетителей видно не было. Похоже, Нина и Анчут единственные, кто в воскресный день заинтересовался местной литературой. Библиотекарь сидела за столом и читала книгу.

– Здравствуйте, – негромко сказала Нина, делая несколько шагов вперед.

Интеллигентная пожилая женщина с крашеными в фиолетовый цвет седыми волосами и в очках с толстыми линзами подняла на них взгляд и отложила чтиво. Она внимательно посмотрела на Нину, потом вдруг перевела взгляд на Анчута. Лицо ее было совершенно спокойно и не выражало никакого удивления.

– Здравствуйте, чем могу быть полезна? – обратилась она именно к нему.

– Нам бы хотелось детально изучить стародавние легенды, в частности, про так называемого первого белоруса – Князя Бая и его собак, Ставры и Гавры, – сказал Анчут, усаживаясь прямо на стойку перед пожилой женщиной.

– Сведения из общей библиотеки вам подойдут или вы хотите изучить вопрос глубже, в том числе используя наш архивно-магический фонд? – библиотекарь старательно выделяла интонацией слово «вы», чтобы оно звучало не во множественном числе, а в уважительном ключе.

– Конечно же, архивно-магический. За обычной литературой теперь в библиотеку не ходят, все в интернете есть, – вмешалась в разговор Нина.

Библиотекарша перевела на нее взгляд и посмотрела презрительно.

– В интернете? Ну-ну... Хотя мы сейчас тоже взяли человека на ставку, который бумажные книги оцифровывает, и практика такая ведется по всему миру, но поверьте, деточка, в интернете можно найти далеко не все.

Нина смутилась и опустила взгляд. Анчут молчал с невозмутимым видом, разглядывая старинную лепнину на стенах.

– Я поняла, провожу вас в магический архив, – сказала женщина и откинула крышку стойки, пропуская их внутрь книжного царства.

Они шли за сутулой спиной библиотекарши по помещениям, переходя из одного в другое, спускались и поднимались по лестницам. Складывалось впечатление, что здание библиотеки изнутри гораздо больше, чем снаружи. И всюду книги, книги, книги... Наконец остановились перед неприметной дверью. Библиотекарша достала из кармана вязаной кофты большую связку ключей, заслонила дверь спиной, скороговоркой что-то прошептала над замком, и дверь с тихим скрипом отворилась вовнутрь.

Дневной свет из комнаты осветил широкую мраморную лестницу, ведущую вниз, в темноту. Снизу потянуло холодом и чуть уловимым запахом пыли. Нине стало не по себе. Библиотекарша пошарила рукой в темноте и включила свет. Чуть приглушенный, он исходил от пыльных светильников, расположенных по стенам с обеих сторон лестницы.

– Яркий свет, излишняя влажность или сухость, неправильный температурный режим – все это может испортить артефакты. Древние книги довольно капризны. Держать их лучше в специальных шкафах и за стеклом. Здесь у нас бумажные издания. Книги, выполненные из натуральной кожи, требуют другой влажности и немного иных условий хранения.

Она пошла вниз, и Нине с Анчутом ничего не оставалось, как последовать за ней.

Магическое хранилище антикварных книг, как его назвала библиотекарша, впрочем, не производило особого впечатления. Просторное помещение без окон, шкафы и стеклянные стеллы, несколько письменных столов и стульев.

– Присаживайтесь. Книги отсюда выносить нельзя, фотографировать тоже. Вот простые карандаши и бумага на случай, если нужно сделать какие-то пометки.

Нина опустилась на стул, зажгла настольную лампу, взяла один из остро заточенных карандашей. Свет лампы отразился от камня на ее кольце и заиграл синими бликами.

Библиотекарша так и впиалась в него глазами, потом перевела внимательный взгляд на лицо девушки.

– Какое интересное украшение, – сказала она, – будто из моей молодости... Старина опять в моде?

– Честно говоря, я не знаю, какие украшения сейчас в моде, – улыбнулась в ответ Нина. – Это кольцо мне оставила бабушка.

– Оставила?

– Она умерла несколько лет назад.

– Ох, бедное дитя, извини, я не хотела наводить тебя на печальные мысли. У твоей бабушки был хороший вкус. Как видно, он в наследство достался и тебе, раз не закинула украшение в дальнюю шкатулку, а продолжаешь носить.

Нина пожала плечами. Внимание к ее кольцу начинало немного раздражать. Столько лет его никто не замечал, а сейчас вопросы задает чуть ли ни каждый встречный.

– Как тебя зовут? – не унималась библиотекарша, не сводя глаз с синего камня.

– Нина.

– В честь бабушки назвали?

– Откуда вы знаете? – в голосе послышалось недоумение.

– Имя такое. Сейчас не часто встретишь, вот и предположила. А я – Любовь Аркадьевна, – на ее лице заиграла улыбка.

– Очень приятно, Любовь Аркадьевна. Так что по поводу легенд?

– Ах да! – библиотекарша отвернулась от Нины с Анчутом и прошла вдоль шкафов и стеклянных стеллажей. Остановилась возле одного. Открыла и взяла в руки увесистый том. – Вот. Магическая энциклопедия. Князя Бая ищите на букву «Б». Собаки должны упоминаться с ним в статье, насколько я помню. Возможно, про них есть и другие сведения, пойду посмотрю в картотеке.

Она положила книгу на стол.

– Только, пожалуйста, пользуйтесь аккуратно. Это очень редкий и ценный экземпляр, – с этими словами женщина вышла из хранилища, оставив их одних.

Нина открыла фолиант и забыла обо всем на свете. Какие прекрасные иллюстрации, витиеватый шрифт, интересные легенды, факты... Она листала энциклопедию, не в силах оторваться от пожелтевших страниц. Книга будто светилась изнутри. Казалось, фантастические существа оживали прямо на картинках. Время летело незаметно.

Вернулась Любовь Аркадьевна.

– Ну как вы тут? Нашли что полезное? К сожалению, библиотека уже закрывается. Я посмотрела электронную картотеку: сведения про Князя Бая и его собак есть и в других книгах, но сегодня их посмотреть вы уже не успеете. Обязательно приходите еще. Было приятно познакомиться.

Нина сложила в сумку исписанные карандашом листы бумаги, она перечитает их дома вечером. От обилия сведений и впечатлений кружилась голова. Их нужно систематизировать и во всем разобраться.

– Спасибо. Думаю, что мы зайдём к вам ещё не раз.

Глава 15

Рабочая неделя проходила буднично, без каких-либо особых происшествий. В воскресенье вечером после посещения библиотеки, не удостоив Нину никакими пояснениями, Анчут исчез и больше не объявлялся. Нина сдала в бухгалтерию привезенные из Димитрович статистические отчеты, посетила поликлинику, в которой ей сняли наложенные на бедро швы, и заскучала.

В пятницу под вечер, завершив рабочие дела, Нина обдумывала планы на большие выходные. Впереди были майские праздники, которые растянутся почти на всю следующую неделю. Целая неделя – это вам не шутки, это почти что отпуск. Да и погода установилась на редкость теплая, сады цвели вовсю и сводили с ума романтиков зефирно-белыми лепестками и сладкими ароматами. В Японии в это время ездят любоваться цветущей сакурой. Жаль, мы не в Японии. А любоваться цветущей алычой и вишней в Беларуси не то чтобы совсем не принято, все вроде любят, но тихонечко, без фанатизма, специально для этого никуда не ездят. Вот и Нине тоже никакой поездки, кроме как навестить родителей, не придумывалось. Ближе к концу рабочего дня раздался звонок от Пашки. Она провела пальцем по экрану телефона, чтобы ответить на вызов. Из динамика раздался бодрый мужской голос:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.